

С. В. Кузнецов^{а)}, Н. М. Межевич^{а),б)}, С. С. Лачининский^{б)}

^{а)} Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

^{б)} Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРИМЕР СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО МАКРОРЕГИОНА¹

В статье излагаются результаты исследования роли пространства в модернизации экономики Северо-Западного макрорегиона России. Анализ проводится на базе методологии, разработанной в Институте проблем региональной экономики РАН. Возможности модернизации экономики России обусловлены конкурентными преимуществами, унаследованными особенностями и государственной политикой, направленной на развитие самих регионов и крупных макрорегионов нашей страны, и имеют пространственную составляющую, которая существенно влияет на позиционирование самого региона, его компаний, фирм и проектов в системе глобализованного геоэкономического пространства. В статье отмечается, что характеристика многофакторной ситуации, учитывающей унаследованные особенности пространственного развития, характер геополитического и геоэкономического положения, трансформации в социально-экономическом пространстве, оценка роли внешних и внутренних факторов, включая влияние глобализации и государственной региональной политики, а также оценка роли внутренних пространственных инверсий макрорегиона и инновационного потенциала развития регионов во многом и определяют коридоры возможностей для модернизации экономики регионов. Выделенные в ходе исследования 4 группы факторов позволяют учитывать широкую палитру возможностей и ограничений для модернизации экономики макрорегиона Северо-Запада. Междисциплинарный синтез в рамках геопропространственной парадигмы, разработки отечественных экономистов-регионалистов, экономико-географов, а также западных ученых в области пространственной науки подтверждают идею А.И. Татаркина «о новых территориальных источниках конкурентоспособности» на примере модельного Северо-Запада России. Расчеты индекса интегрированности в мировую экономику показывают, что возможности модернизации связаны со степенью открытости и конкурентности регионов в общемировом контексте. На примере этого макрорегиона выявлены характерные для России пространственные возможности и ограничения модернизации экономики. Определены конкретные направления модернизационного проекта в экономике Северо-Западного макрорегиона с учетом внутренних ресурсов, пространственных диспропорций, унаследованных особенностей, мирохозяйственных факторов, внутренних ограничений и др. Результаты исследования найдут свое отражение в реализации фундаментальных разработок коллектива, в том числе в рамках участия в Программе Президиума РАН № 16 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие».

Ключевые слова: экономическое пространство, Северо-Западный макрорегион России, унаследованные особенности, модернизация, пространственные инверсии, внешние факторы, внутренние ресурсы, региональная политика, глобализация

¹ © Кузнецов С. В., Межевич Н.М., Лачининский С. С. Текст. 2015.

Постановка проблемы

К началу XXI в. отечественная региональная наука и общественная география, являющаяся во многом гносеологическим базисом первой, подошли вплотную к решению проблемы, которую еще в конце 70-х гг. XX в. обозначил Э.Б. Алаев. Он указывал на то, что оформляется особая междисциплинарная общенаучная методология — геопространственная парадигма [1]. Сегодня мы видим, что географы-обществоведы (П.Я. Бакланов, В.Н. Лаженцев, С.С. Артоболевский, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш, А.Н. Пилясов, А.Н. Демьяненко, Е.Г. Анимица, В.А. Шупер и др.) и экономисты-регионалисты (А.Г. Гранберг, А.И. Татаркин, П.А. Минакир, В.В. Кулешов, И.Р. Гафуров, В.И. Суслов, Е.А. Коломак, Р.М. Нижегородцев и др.) двигаются параллельными, но очень близкими векторами, которые формируют направление развития междисциплинарной геопространственной парадигмы.

На современном этапе на эту задачу обратили внимание М.Д. Шарыгин [2] и П.Я. Бакланов. В частности, последний пишет: «... Важнейшим этапом в разработке такой теории („сквозная теория географического пространства-времени и пространственно-временной организации общества“) является структуризация географического пространства, включая и его составную часть — социально-экономическое пространство» [3, с. 9].

К слову сказать, в англосаксонских странах геопространственная проблематика развивается на стыке экономической географии (Human Geography) и пространственной экономики (Spatial Economy) [4-9]. В Германии и Австрии, где была сильна географическая научная традиция, вопросы соотношения экономического пространства и геопространства также исследуются на междисциплинарной основе [10-12]. Здесь можно полностью согласиться с позицией В.Н. Лаженцева, который определяет пространственное развитие как «согласованные прогрессивные изменения в освоении и воспроизводстве природных ресурсов, размещении и внутреннем содержании производительных сил, в расселении населения и обустройстве среды жизнедеятельности. Актуализация теории и методологии „пространственного развития“ обусловлена возвышением роли междисциплинарного синтеза» [13, с. 97].

О естественном взаимовлиянии территориальных и экономических (региональных) факторов на геопространство пишут представители различных экономических школ. К примеру,

американский либерал, теоретик «шоковой терапии» Дж. Сакс писал: «Эффективность стратегической переменной может зависеть от физико-географических условий страны. Например, для либерализации торговли, вероятно, будет больший экономический эффект на приморские, а не континентальные экономические системы. География может оказывать ключевое влияние на стратегический выбор моделей развития различных экономических систем» [14, с. 659]. При этом и неокейнсианцы, и неомарксисты в данном вопросе согласны с либералами.

Здесь добавим, что влияние географического фактора на территориальную социально-экономическую систему следует рассматривать и через «ракурс географической геометрии — положение относительно узлов-фокусов социально-экономического пространства, экономических линий разного рода, ареалов, выделяемых по разным критериям и существующих в определенных границах» [15, с. 77].

Территориальные социально-экономические системы (ТСЭС) понимаются как «пространственно-дискретные части человеческого общества (ойкумены), состоящие из постоянно контактирующих друг с другом подсистем (экономической, природно-ресурсной, социальной, демографической, экологической, духовной, обеспечивающих их инфраструктур и т. д.), открытых для взаимодействий и взаимовлияния с подобными им системами» [16]. А.А. Анохин удачно дополнил ТСЭС за счет «институциональной» (или институциональной) системы. При этом, в отличие от М.Д. Шарыгина, он выделяет «территориально-производственную» систему [17, с. 131]. П.Я. Бакланов ставит знак равенства между ТСЭС и пространственными социально-экономическими системами. При этом он развивает представления о ТСЭС за счет рассмотрения типов структурных звеньев — узловых, линейных, линейно-узловых, площадных (ареальных) [18, с. 7].

Из современных экономистов наиболее близкое авторам понимание ТСЭС — у Г.Б. Клейнера, который предлагает рассматривать ее как «относительно обособленную и относительно устойчивую в пространстве и времени часть окружающего мира (рассматриваемого как системосодержащее пространство), характеризующуюся внешней целостностью и внутренним разнообразием. Система считается экономической, если она в той или иной степени реализует процессы производства, а также распределения, обмена и потребления благ» [19, с. 8].

Л.Б. Вардомский отмечает: «Понятие „пространство“ тесно связано с понятием „ре-

гион», который представляет собой выделенную часть пространства (или территории), характеризующуюся определенным уровнем целостности и единства» [20, с. 12]. Этот взгляд на пространство отражает его сущность и содержание, но равенства между пространством и территорией нет. Далее он говорит о том, что встречаются три основных понимания экономического пространства — системно-структурное, хозяйственно-правовое (институциональное) и геополитическое (геоэкономическое).

Пространство теснейшим образом связано с унаследованными, то есть историческими особенностями и тем, что академик А. И. Татаркин назвал саморазвитием территориальных социально-экономических систем. Он справедливо указывает, что «саморазвитие территориальных социально-экономических систем не может осуществляться устойчиво и сбалансировано без постоянного самообновления посредством активного использования достижений науки и мировой практики, совершенствования форм и методов территориальной организации и кооперации труда и производства, расширения межтерриториальных связей и их интеграции по схеме «власть ↔ наука ↔ образование ↔ бизнес ↔ население → качество жизни» [21, с. 15].

Социально-экономическое пространство современной России на протяжении последних столетий подвергается серьезным трансформациям, которые оказывают критическое влияние на характер хозяйственной деятельности, специализацию экономики регионов, конфигурацию границ и транспортной сети, внешние связи и направленность миграционных векторов. Вместе с определяющим воздействием господствующей общественно-политической и пространственной парадигмы страны эти трансформации открывают дополнительные возможности и создают ограничения для дальнейшего развития. В конце XX в. — начале XXI в. значительные внешние и внутренние трансформации и пространственные инверсии усилились многократно.

Произошла переориентация части экономических связей регионов страны на мирохозяйственные (дополнительный фактор уменьшения межрегиональной торговли), а это изменило характер территориального разделения труда, в результате чего пространство претерпевает своего рода сжатие внутри страны.

С точки зрения авторов, уменьшение размера экономического пространства, то есть пространства, вовлеченного в хозяйственную деятельность, ведет к снижению темпов эконо-

мического развития страны и является угрозой для территориальной целостности. При этом требуемое единство географических, экономических и политических границ не означает отказ от внутренних территориальных приоритетов, будь на макрорегиональном уровне — Арктическая зона РФ, на региональном уровне — Крым, Калининградская область и наконец, на локальном уровне — промышленные и внедренческие зоны и т. д. (подробнее об этом в [22]).

Особенно это стало очевидно в условиях беспрецедентного внешнего давления и жесткой санкционной политики стран Европы и США по отношению к России. Неслучайно еще в 2011 г. ряд ведущих отечественных экономистов предложили свое видение будущего России, где отмечали, что «реализация стратегии развития должна включать активную промышленную политику, поддерживающую расширение несущих отраслей нового технологического уклада и стимулирующую „точки роста“» [23, с. 17]. И в развитие этой идеи можно привести слова академика А. И. Татаркина: «Для активизации процессов инновационного развития необходим переход от региональной политики выравнивания к формированию государством институциональной среды, способствующей созданию полицентричной пространственной структуры экономики страны и поиску новых территориальных источников конкурентоспособности» [24].

В 1990–2000-е гг. на фоне смены общественно-политической парадигмы наша страна ускоренными темпами начала встраиваться в сложившиеся без ее участия рамки и правила функционирования глобализированного геоэкономического пространства. С учетом технологического отставания, разрыва единого народнохозяйственного комплекса и прежних связей, субъекты экономики и регионы искали новые рынки сбыта в Европе, Северной Америке и АТР. Стало очевидно, что «старая экономическая география», то есть территориальная организация отраслей народного хозяйства, доставшаяся в наследство от бывшего СССР, плохо вписывается в новые рыночные условия. Это связано с большей «северностью и восточностью» территории РФ, возрастающими издержками на содержание социальной и транспортной инфраструктуры, износом основных фондов, высокими транспортными тарифами и низкой производительностью труда. В условиях плановой экономики эти факторы работали существенно иначе, чем в условиях экономики рыночной. Затраты на

преодоление объективно существующих географических факторов закономерно возрастают в условиях рыночной экономики. В то же время, регионы — «глухие углы» плановой экономики приобретают дополнительные стимулы для развития [25].

Связанность национального пространства в целом и его макрорегионов резко уменьшилась. А.И. Трейвиш показывает, что градиенты «центр — периферия», ярко выраженные в советское время, еще более усилились [26]. Далее он подчеркивает, что вторая тенденция изменения территориальной структуры — это фрагментация пространства. Она проявляется в возрастающей мозаичности, росте различий между населенными пунктами сходного ранга в зависимости от состояния и других факторов, в том числе и субъективных.

Обнажились внутренние пространственные инверсии: «центр — регионы», «центр — граница», «провинция — периферия», «первые города (центры регионов) — вторые города», «военно-промышленный комплекс — топливно-энергетический комплекс», «постиндустриальные города — монопрофильные города», «приморские территории — континентальные территории», «открытые/экспорториентированные регионы — внутренние регионы», «мировые города — прочие города», «город — село» и т. д. (подробнее в [27]).

При этом внешние связи втягивают в экономическое пространство страны территории «под чужим флагом» (подробнее в [28–29]).

Поэтому абсолютно правы те, кто говорит, о необходимости следования традиции — «игре масштабами», которая определяется поставленной исследовательской задачей: последовательным синтезом, генерализацией и объединением территорий, аналитическим дроблением и разукрупнением [30].

Северо-Западный макрорегион, занимающий почти 10 % территории и включающий около 9,5 % населения России, представляет собой уникальный пример модельного региона, в котором наиболее выразительно проявляются ограничения и возможности российского социально-экономического пространства со всеми выявленными инверсиями.

Новые ограничения пространственного развития макрорегиона

Пространственное развитие Северо-Запада после распада Советского Союза претерпело глубокую трансформацию, произошел коренной пересмотр функций макрорегиона, его роли в общероссийском развитии. Основой

данных трансформаций стало изменение сущности геоэкономического положения региона, произошедшего вследствие изменения внешних условий его развития.

На Северо-Западе наблюдаются оба вида сжатия экономического пространства: коммуникационное (то есть увеличение проницаемости, доступности географического пространства) и вторичное освоенческое (интенсификационное) — физическое сокращение обжитых и интенсивно освоенных территорий. Наблюдается разная интенсивность процессов сжатия в зависимости от регионов СЗФО. Например, коммуникативное сжатие больше проявляется в Калининградской и Ленинградской областях, а интенсификационное — в Псковской и Новгородской областях.

В современной экономике физическое расстояние все чаще отличается от геоэкономического. Российские эксперты отмечают, что объем двусторонней торговли между двумя странами или регионами (при прочих равных условиях: ВВП, индивидуальные характеристики торговых партнеров и т. п.) имеет отрицательную зависимость от величины барьера торговли между этими регионами в сравнении со средней величиной барьеров торговли со всеми остальными торговыми партнерами рассматриваемых регионов... Чем более затруднена торговля двух регионов с другими регионами, тем больше стимулов создается для их взаимной торговли. Величина среднего торгового барьера с другими странами названа авторами «многосторонним сопротивлением» (*multilateral resistance*). Именно поэтому экономическое пространство Санкт-Петербурга, Ленинградской и Мурманской областей, которые, строго говоря, не лежат на самых коротких транспортных путях в Европу, испытывают масштабное влияние практики внешнеэкономических связей и логики реформируемого геоэкономического положения [31].

В современной науке существует ряд актуальных подходов, лучше объясняющих теорию и практику указанного выше явления.

Прежде всего, это концепция «пространственных инверсий» (по В.Л. Каганскому) «центр — регионы» (ЦР), «центр — граница» (ЦГ), «первые города (центры регионов) — вторые города» (ПГ/ВГ), «постиндустриальные города — монопрофильные города» (ПМГ), «приморские территории — континентальные территории» (ПТ/КТ), «открытые (экспорториентированные) регионы — внутренние регионы» (ОР/ВР), «мировые города — прочие города» (МГ/ПГ), «город — село» (ГС).

Таблица 1

Пространственные инверсии макрорегиона (2013 г.)

Критерий расчета	ЦР	ЦГ	ПГ/ВГ	ПМГ**	ПТ/КТ	ОР/ВР	МГ/ПГ	ГС*
Соотношение численности населения	0,59	2,00	2,58	5,66	1,30	3,03	0,89	5,20

* данные на 2014 г.

** В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1398-р от 29.07.2014 (исключая поселки).

Нами рассчитаны приблизительные данные по соотношению численности населения между восемью инверсионными парами (табл. 1).

Эти ограничения обусловлены усиливающимися в 1990-е гг. пространственными инверсиями, которые накладываются на противоречивые действующие тенденции развития макрорегиона.

С одной стороны, макрорегион выдвинулся в качестве внешнеэкономического оператора Российской Федерации. В частности, с 2000 г. по 2012 г. доля макрорегиона в национальном экспорте выросла с 9,7 % до 10,6 %, а доля в импорте — с 13,8 % до 18,4 %. Общий товарооборот вырос с 10,7 % до 13,5 %. Объем иностранных инвестиций в макрорегион за этот же период снизился с 15,6 % до 11,6 %. Последовательная энергетическая политика России в направлении Западной Европы и форсированное развитие инфраструктуры, ориентированной на глобальный рынок, привели к тому, что установились мосты взаимодействия между социально-экономическим пространством Северо-Запада России и Западной Европы. Эта политика укладывалась в число семи приоритетных направлений национальной внешнеэкономической политики, которая предусматривала «повышение роли России в обеспечении глобальной энергетической безопасности и укрепление ее позиций на рынке углеводородов».

Объем поставляемого газа из России в страны Балтийского региона в 2012 г. составил 51,97 млрд м³, а объем нефти, поставляемый из Арктической зоны РФ по «северному маршруту» (порты Архангельск, Варандей, частично Приморск и Усть-Луга, а также по германскому отрезку нефтепровода «Дружба»), составляет около 51 % всего нефтяного экспорта, или 123 млн т (подробнее в [32]).

В течение первого десятилетия XXI в. неуклонное развитие внешнеэкономической составляющей пространственного развития воспринималось исключительно как достижение, однако в условиях разворачивающегося «санкционного маховика» и все большей волатильности в мировой экономике становилось очевидно, что Россия и ее макрореги-

оны нуждаются в «новой экономической географии» и новой повестке пространственного развития.

Эта новая пространственная повестка может опираться на внутренний потенциал саморазвития макрорегионов, национальные широтные и меридиональные мегаструктуры, создаваемые с учетом возможностей новых экономических видов транспорта, приоритетного развития Северного морского пути и новые технологии строительства и энергоснабжения, а также на импортозамещение и «национальную технологическую инициативу», предусматривающую форсированное развитие принципиально новых технологий и производств.

С другой стороны, начиная с 1993 г. и вплоть до сегодняшних дней мы находимся в состоянии управляемой деиндустриализации. Прежде всего она проявляется в снижении доли обрабатывающей промышленности ВРП почти всех субъектов РФ в СЗФО, кроме Санкт-Петербурга, Калининградской и Псковской областей.

В регионах сырьевой ориентации доля обрабатывающей промышленности не превышает 20 % (Ненецкий автономный округ — 0,2 %, Коми — 10 %, Архангельская область — 13,8 %, Карелия — 15,2 %, Мурманская область — 15,5 %).

Здесь мы подходим к локальному ограничению модернизации арктических территорий Северо-Запада России — это экспортно-сырьевые монопрофильные города Арктической зоны России. Для макрорегиона эта проблема чувствительна, так как здесь располагаются наиболее проблемные центры, замыкающие на себя обширные северные территории — Инта (сокращение численности населения с 1989 по 2010 гг. составило почти 47 %), Воркута (–39 % за период), Ковдор (–38 % за период), Мончегорск (–34 % за период), Кировск (–34 % за период) и т. д. (подробнее в [33]).

Во многих регионах и городах наблюдаются деградация промышленного потенциала, сокращение производства, износ основных фондов и станочного парка, а также конъюнктурная переориентация на другие сектора эконо-

мики. Зачастую обрабатывающую промышленность заменяет торгово-посредническая деятельность, которая приобрела в России гипертрофированные масштабы (доля торговли в ВВП России на 5–10 % превышает аналогичный показатель в ведущих экономиках мира). На локальном уровне происходит замещение промышленных площадок торговыми и офисными, а также и участками под жилую застройку. Это видно на примере города Санкт-Петербург (территории предприятий «Электросила», «Самсон», «Петмол», «Скороход», «Вулкан», «Охтинская бумагопрядильная мануфактура» переданы под жилую застройку и размещение торгово-офисных площадей). Вместе с тем, подобное замещение можно рассматривать как дополнительные возможности для модернизации городов и совершенствования их пространственной структуры. Это замещение активно идет во всех городах, которые перешли в категорию мировых (подробнее в [34]).

Однако необходимо понимать, что для большинства средних и малых городов Северо-Западного макрорегиона подобное замещение может приводить к сокращению рабочих мест и оттоку населения при модернизации социальной инфраструктуры.

Положение Северо-Западного макрорегиона

Характер положения Северо-Западного макрорегиона претерпевал значительные изменения в течение XX в. и уже успел измениться в начале XXI в.

Можно привести лишь некоторые примеры. Так, изменение границ СССР после 1944 г. привело к сворачиванию портовых проектов в Российской Федерации и крупным капиталовложениям в транспортную инфраструктуру Советской Эстонии и Латвии. В 1992 г. в результате грандиозных геополитических изменений выяснилось, что транзитно-транспортная инфраструктура балтийского побережья России недофинансирована, и экономико-географическое положение Санкт-Петербурга опять нуждается в реконструкции. С 1997 г. началось проектирование и строительство адекватной потребностям российской торговой инфраструктуры (порты — Усть-Луга, Приморск, Высоцк, Бронка). Город и Ленинградская область возвращают утраченный еще в петровские времена статус окна в Европу. Создание нефте- и газопроводной инфраструктуры (Северный поток, Балтийская трубопроводная система — 1, Балтийская трубопроводная система — 2), а также современного портово-про-

мышленного комплекса в Усть-Луге и транспортно-логистического комплекса в Бронке не только полностью изменило геоэкономическое положение Санкт-Петербурга и Ленинградской области, но и дало новые возможности всему Северо-Западному макрорегиону.

Программа комплексного освоения Ямала и строительство порта Сабетта, а также реализация проекта «Северный морской коридор» приведут к дальнейшей коррекции положения макрорегиона. Это, в свою очередь, создаст условия для снижения ограничений, связанных с пространственными характеристиками Северо-Запада России (окраинность, удаленность от мировых рынков, слабая транспортная освоенность территории, отсутствие международных коммуникаций, сдвинутость территории на север-северо-восток) и дополнительные предпосылки для модернизации экономики макрорегиона.

Можно констатировать, что фактор положения дает дополнительную экономическую ренту в условиях глобализации. Особенно ярко это проявляется в случае таких приморских регионов, как Санкт-Петербургский, Калининградский, Ямал.

Таким образом, географические факторы не потеряли своей актуальности, наоборот, они способны создавать дополнительные возможности для модернизации экономики регионов или вносить существенные ограничения, которые, впрочем, можно повернуть в нужную сторону при наличии сильной политической воли и стратегического видения у элит и крупного национального бизнеса.

Роль внешних и внутренних факторов в пространственной модернизации

Одним из самых противоречивых факторов, оказывающих прямое воздействие на пространственную структуру страны в целом и отдельных ее макрорегионов, является внешний, прежде всего — глобализация. «Влияние глобализации на российские регионы и территориальную структуру страны исключительно противоречиво. С одной стороны, глобализация — одна из главных движущих сил экономического роста (и упадка), стимул технологических инноваций и повышения конкурентоспособности региона или города в привлечении новых инвестиций..., с другой стороны, эти же процессы затрагивают территорию страны крайне неравномерно и способствуют дальнейшей поляризации социально-экономического пространства и обострению социальных противоречий» [35].

Таблица 2
Доля Санкт-Петербурга в основных экономических показателях Северо-Западного макрорегиона в 2000–2013 гг., %

Санкт-Петербург / Северо-Западный макрорегион	2000	2005	2013
Доля в численности населения	33,2	34,4	37,2
Доля в ВРП	32,5	37,0	44,7
Доля в основных фондах	25,0	26,9	29,4*
Доля в числе предприятий и организаций	55,0	60,4	57,9*
Доля в объеме инновационных товаров, работ, услуг	20,8	25,6	74,9*
Доля в инвестициях в основной капитал	30,8	32,4	24,3*
Доля во внешней торговле	35,0	38,8	53,0

* данные 2012 г.

Действительно, для Северо-Западного макрорегиона России наиболее остро встают вопросы пространственного характера — рост периферии в результате централизации, нарастающая поляризация, моноцентризм макрорегиона. В качестве наиболее показательного примера рассмотрим Санкт-Петербург, доля численности населения в макрорегионе около 37 %, валовом региональном продукте — 44 %, во внешней торговле — почти 53 %, а в объеме инновационных товаров, работ и услуг — около 75 % (табл. 2).

Глобализация способствует перестройке национального и регионального социально-экономического пространства таким образом, что оно перестает совпадать с территориальными границами государства или региона. На это, в частности, обратили внимание М. Кастельс и Дж. Рагги [36, с. 9]. П.А. Минакир и А.Н. Демьяненко говорят о «формировании нового качества пространственных проявлений экономической деятельности» [37], что для Санкт-Петербурга и его окружения весьма актуально.

Оставаясь основным контактным центром России в Балтийском регионе, город в значительной степени зависит от мирового рынка и глубоко интегрирован в глобализированное геоэкономическое пространство.

Противоречивость влияния глобализации на региональную экономику обусловлена возникающими геоэкономическими рисками, в частности — экономической зависимостью (взаимозависимостью) от мировой экономики (подробнее в [38]).

Для оценки влияния глобализации на экономику регионов Северо-Западного макроре-

гиона, а также определения локализации экономики можно использовать достаточно простые показатели: коэффициент локализации ВРП; коэффициент локализации внешнеторговой деятельности; коэффициент интегрированности в мировую экономику¹.

На основании данных таблицы 3 можно сделать некоторые выводы:

1) за рассматриваемый период происходит усиление экономического потенциала в приморских регионах, наиболее интегрированных в мировое хозяйство — Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, а также в сырьевых регионах — Коми и Архангельская область;

2) наблюдается усиление локализации внешнеторговой деятельности в тех же регионах — Санкт-Петербург, Калининградская область, а также — Коми и Архангельская область при некотором падении показателя по Ленинградской области;

3) Северо-Западный макрорегион более интегрирован в мировое хозяйство, чем остальная Россия, при этом степень интегрированности возрастает, а три приморских региона — Калининградская область, Ленинградская область и Санкт-Петербург интегрированы в большей степени. Интересно, что в Ленинградской области наметился процесс некоторого снижения влияния мирового рынка для региональной экономики;

4) в ряде регионов макрорегиона происходит все большее снижение уровня интеграции региональной экономики в мировую экономику — Псковская, Новгородская и Мурманская области, Карелия. При этом в Коми, Архангельской и Вологодской области наблюдается повышение уровня интегрированности в мировое хозяйство.

Лучший пример, показывающий переориентацию инвестиционных проектов под внешнеэкономические задачи — это комплекс мероприятий по развитию морского торгового порта Усть-Луга и прилегающей территории. Для финансирования терминала в Усть-Луге только один из операторов порта — Gunvor

¹ Коэффициент локализации экономики вычисляется как отношение ВРП на душу населения в регионе к ВРП на душу населения по всей стране. Коэффициент локализации внешнеторговой деятельности — как отношение внешнеторгового оборота на душу населения в регионе к внешнеторговому обороту на душу населения по всей стране. Коэффициент интегрированности в мировую экономику рассчитываем как отношение коэффициента локализации внешнеторговой деятельности на данный год к коэффициенту локализации экономики на этот год.

Таблица 3

Оценка влияния глобализации на региональную экономику Северо-Западного макрорегиона в 2005–2013 гг.

Регион	Коэффициент локализации ВРП		Коэффициент локализации ВД		Коэффициент интегрированности	
	2005	2013	2005	2013	2005	2013
Карелия	0,899	0,736	0,736	0,411	0,819	0,558
Коми	1,401	1,493	0,402	0,526	0,287	0,352
Архангельская область	1,026	1,140	0,384	0,453	0,374	0,397
Вологодская область	1,244	0,759	1,136	0,723	0,913	0,952
Калининградская область	0,693	0,764	2,094	2,482	3,022	3,249
Ленинградская область	0,971	1,042	2,313	2,070	2,382	1,986
Мурманская область	1,247	1,046	0,703	0,535	0,564	0,511
Новгородская область	0,758	0,759	0,672	0,547	0,886	0,721
Псковская область	0,444	0,461	0,426	0,375	0,959	0,813
Санкт-Петербург	1,128	1,291	1,343	1,987	1,191	1,539
СЗФО	1,041	1,074	1,198	1,402	1,151	1,305
Россия	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000

Примечания: ВРП — валовый региональный продукт; ВД — внешнеторговая деятельность, коэффициент интегрированности — интегрированность в мировую экономику.

Group — взял кредит на 675 млн долл. Горизонт финансирования — до 2030 г. В этом же ряду — строительство контейнерного терминала в порту Усть-Луга, реконструкция железнодорожного участка Мга — Гатчина — Веймарн — Ивангород и железнодорожного подхода к порту Усть-Луга. Отдельный проект — это строительство комплекса по переработке наливных грузов там же, в Усть-Луге. Таким образом, в совокупности инвестиции в Усть-Лугу должны были составить примерно триллион рублей.

Возможности модернизации регионов Северо-Запада

Некоторые авторы справедливо отмечают: «Для перехода к ресурсно-инновационной модели необходимо создавать условия для формирования региональных кластеров вокруг предприятий, выпускающих продукцию, конкурентоспособную на мировых рынках; оказывать государственную поддержку регионам в привлечении иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли, учитывать их интересы при формировании внешнеэкономической и таможенной политики» [39, с. 18].

Но на практике ситуация иная. Проанализировав данные Госкомстата РФ по валовому региональному продукту, объему производимой инновационной продукции, доле предприятий, осуществляющих технологические инновации, и численности персонала, занятого научными разработками по регионам Северо-Запада России, можно отметить следующее:

1) рост локализации инновационной активности в крупнейшем центре Санкт-Петербурге;

2) деградацию инновационного потенциала в периферийных районах и наращивание его в Санкт-Петербурге и арктической территории, представленной Архангельском и Северодвинском;

3) исключительно высокую концентрацию научных разработок в Санкт-Петербурге и городах-спутниках при минимальной активности в регионах (см. табл. 4).

На этом примере мы видим, как могут быть взаимно дополняемы исследования экономистов-регионалистов и географов-экономистов. Можно говорить о том, что вследствие разных условий инновационной среды география зарождения и география применения инноваций в Северо-Западном макрорегионе не совпадают. Мобильность факторов производства неизбежно фиксирует указанный разрыв. Концепция диффузии инноваций основана именно на этом принципе (мобильности факторов производства). Санкт-Петербург как организующий центр макрорегиона в полной мере использует не только свой потенциал, но и потенциал соседних регионов.

Как отмечает Е.А. Коломак, среди факторов и движущих сил конкурентоспособности региона можно выделить общую макроэкономическую сбалансированность, ресурсную обеспеченность; географическое положение территорий, структуру производственного потенциала; «жесткую» и «мягкую» инфра-

Таблица 4

Модернизационные возможности регионов макрорегиона Северо-Запада России

Регион	Индекс локализации инновационности региона		Индекс концентрации научных разработок		Индекс локализации инновационной продукции	
	2005	2013	2005	2013	2005	2013
Карелия	0,00	0,00	0,01	0,01	0,07	0,01
Коми	0,00	0,60	0,02	0,02	0,00	0,66
Архангельская область	0,00	4,22	0,01	0,01	0,07	4,04
Вологодская область	1,64	0,71	0,00	0,00	1,73	0,70
Калининградская область	2,50	0,00	0,02	0,02	2,27	0,01
Ленинградская область	0,18	0,31	0,06	0,07	0,13	0,30
Мурманская область	0,71	0,00	0,02	0,02	0,73	0,08
Новгородская область	6,00	0,67	0,01	0,01	5,20	0,50
Псковская область	0,00	0,00	0,00	0,01	0,17	0,07
Санкт-Петербург	0,51	1,33	0,84	0,82	0,53	1,33
Северо-Западный макрорегион	0,74	1,11	0,13	0,13	0,73	1,11

структуру, структуру инвестиций и инвестиционную привлекательность, человеческий капитал, уровень развития и качество институтов; кластеры и уровень внутренней интеграции, региональные сети и региональные инновационные системы [40]. Последние факторы непосредственно влияют на модернизационные возможности регионов.

Мы составили таблицу 5, в которой отражен модернизационный потенциал регионов Северо-Западного макрорегиона, опирающийся на критические технологии, локализованные на конкретных территориях.

Видно, что в макрорегионе имеется задел критических технологий. Что особенно важно, он представлен во всех критических технологиях, развиваемых в Российской Федерации. Дальнейший ход модернизации связан с формированием успешных кластеров, вовлеченных в региональные сети и региональные инновационные системы, приходом «длинных» государственных и частных инвестиций (в том числе через механизмы венчурного финансирования), а также ростом качества управления на местном, региональном и федеральном уровнях.

Таблица 5

Модернизационный потенциал Северо-Западного макрорегиона

Субъект Северо-Западного макрорегиона	Критические технологии								
	ВТ	СЭ	ЗБТ	БВТ	КМ	НБИТ	ЯТ	ТБ	ПР
Санкт-Петербург	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ленинградская область		+		+	+	+	+	+	+
Мурманская область				+		+	+		+
Новгородская область	+					+			+
Псковская область						+			+
Карелия			+	+		+			+
Коми				+		+			+
Калининградская область	+	+							+
Архангельская область	+					+	+		+
Вологодская область									+

ВТ — базовые и критические военные и промышленные технологии для создания перспективных видов вооружения, военной и специальной техники; СЭ — базовые технологии силовой электротехники; ЗБТ — биокаталитические, биосинтетические и биосенсорные технологии; БВТ — биомедицинские и ветеринарные технологии; ГТ — геномные, протеомные и постгеномные технологии; КМ — компьютерное моделирование наноматериалов, наноустройств и нанотехнологий; НБИТ — нано-, био-, информационные, когнитивные технологии; ЯТ — технологии атомной энергетики, ядерного топливного цикла, безопасного обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом.

ТБ — технологии биоинженерии; ПР — 17 технологий (1 — наноматериалы, 2 — мультимедиа, 3 — навигация, 4 — наноустройства, 5 — энергия, 6 — конструкционные наноматериалы, 7 — функциональные материалы, 8 — программное обеспечение, 9 — экология, 10 — геология, 11 — ЧС, 12 — медицина, 13 — транспорт, 14 — ракетопосылы, 15 — электроника, 16 — распределение энергии, 17 — органика).

Выделенные пространственные ограничения оказывают серьезное влияние на возможности модернизации Северо-Западного макрорегиона России. Вместе с тем, как мы выяснили, для некоторых из них возможна корректировка. При этом географические ограничения могут превратиться в дополнительные возможности, для чего необходима политическая воля и стратегия внутренней модернизации региона. Наряду с этим внешние факторы оказывают весьма противоречивое воздействие на различные регионы рассматриваемого макрорегиона.

Приморские регионы, вовлеченные в мировое хозяйство, получают дополнительные импульсы в виде портовой и береговой инфраструктуры, промышленных объектов, транспортно-логистических комплексов, приграничной торговли и международного туризма, а для пространства внутренних регионов необходимо разрабатывать меры по импортозамещению и развитию внутреннего спроса при модернизации инфраструктуры.

Очевидно, что в рамках современных российских экономических практик регионы будут сталкиваться с постоянным дефицитом средств на модернизационные цели. Эта ситуация может быть скорректирована за счет использования модели «регион — квазикорпорация», удобной для выхода на европейские и глобальные рынки. В условиях Ленинградской области — модельной для Северо-Западного макрорегиона — это связка транспортно-логистического комплекса Усть-Луга, Приморск, Высок и региональной политики правительства Ленинградской области. Что же касается мер региональной политики, осуществляемой на федеральном и субфедеральном уровне, то они должны быть направлены на частичное нивелирование сложившихся пространственных инверсий. Подчеркнем, что, учитывая точку зрения теории регионального развития

и текущих практик, мы не ставим вопрос о полном региональном и межрегиональном выравнивании, считая, что это невозможно в российских условиях. Речь идет о другом: во-первых, о необходимости модернизации «жесткой» и «мягкой» инфраструктуры; во-вторых, о поощрении государственных, частных и иностранных инвестиций (работающих комплексно и направленных на 2-3 ключевых региональных задачи); в-третьих, о повышении инвестиционной привлекательности регионов и о развитии кластерной инициативы и региональных инновационных сетей, ориентированных на имеющийся научно-технологический задел в регионах Северо-Запада России (это достигается путем распространения и пропаганды лучших практик, отработанных на взаимодействии региональных властей с крупными иностранными и отечественными инвесторами).

Северо-Западный макрорегион является модельным в том смысле, что как положительные, так и отрицательные тенденции развития мировой и отечественной экономики проявляются здесь раньше, чем в других регионах России. Задачи модернизационной парадигмы развития страны в целом оставляют очень небольшой коридор возможностей для регионов России, но в настоящий момент Северо-Запад имеет возможности адекватной реакции на внешние и внутренние вызовы.

Уникальность Северо-Западного региона — также в особой контрастности его параметров. Плотность населения в восточных районах Ленинградской области, ряде муниципалитетов Псковской области, северной Карелии не больше чем в Сибири, однако Санкт-Петербургская агломерация (не менее 20 тыс. км²) типологически близка агломерациям Центральной и Северной Европы. Модели хозяйственного освоения Северо-Запада также представляют собой весь комплекс пространственных подходов к российской экономике.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума РАН, программа № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», программа № 16 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие».

Список источников

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. — М.: Мысль, 1983. — 350 с.
2. Шарыгин М. Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. — 2014. — № 1. — С. 20-28.
3. Бакланов П. Я. Об объекте, предмете и задачах современной социально-экономической географии // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. — 2014. — № 3. — С. 4-12.
4. Duranton G., Storper M. (2006). Agglomeration and growth: a dialogue between economists and geographers. *Journal of Economic Geography*, 6, 1-7.

5. Fujita M., Rivera-Batiz F.L. (1998). Agglomeration and heterogeneity in space: introduction. *Regional Science and Urban Economics*, 18. 1-5.
6. Martin R.L. (1999a). The new 'geographical turn' in economics: some critical reflection. *Location: Cambridge Journal of Economics*, 63-91.
7. Combes P.P., Mayer T., Thisse J.-F. (2008). *Economic Geography. The Integration of Regions and Nations*. Princeton University Press: Princeton, NJ, 399 p.
8. Fujita M., Krugman P. (2004). The new economic geography: Past, present and the future. *Papers in Regional Science*, 83, 139-164.
9. Rauch, Ferdinand (2013). Cities as spatial clusters. *Journal of Economic Geography*. 1–15.
10. Blotevogel H.H. (2010). Raumordnung und Metropolregionen [Spatial planning and metropolitan regions]. *Geographische Rundschau*. Vol. 62 (11). 4-12
11. Reimer M., Getimis P., Blotevogel H.H. (2014) *Spatial Planning Systems and Practices in Europe: A Comparative Perspective on Continuity and Changes*. Taylor and Francis, 311 p.
12. Rosenfeld M. T. W., Franz P., Heimbold G. (2007). Economic 'clusters' in East Germany: Evidence on the location and characteristics of spatially concentrated industries, *Post-Communist Economies*, 19 (1), 73-92.
13. Лажнецов В. Н. Пространственное развитие. Примеры Севера и Арктики // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. — Вып. 1. — Сыктывкар, 2010. — С. 97-104.
14. Smith A. (2002). Imagining geographies of the 'new Europe': geo-economic power and the new European architecture of integration. *Political Geography*, 21, 659.
15. Ланно Г. М. География городов. — М.: Владос. — 1997. — 480 с.
16. Трофимов А. М., Шарыгин М. Д. *Общая география. Вопросы теории и методологии* / А. М. Трофимов, М. Д. Шарыгин; Перм. Гос. Ун-т. — Пермь, 2007. — 494 с.
17. Анохин А. А. Региональные проблемы социального развития. — Л.: Изд-во Лен. ун-та. — 1986. — 132 с.
18. Бакланов П. Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии // *Региональные исследования*. — 2014. — № 2 (44). — С. 4-10.
19. Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // *Вопросы экономики*. — 2013. — № 6. — С. 4-28.
20. Вардомский Л. Б. *Российское порубежье в условиях глобализации*. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 216 с.
21. Татаркин А. И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федерального обустройства России // *Экономика региона*. — 2013. — № 4. — С. 9-26.
22. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. *Экономическое пространство. Теория и практика* / Российская акад. наук, Ин-т проблем региональной экономики. — СПб.: Ред-изд центр ГУАП, 2012. — 150 с.
23. О стратегии развития экономики России / Глазьев С. Ю., Ивантер В. В., Макаров В. Л., Некипелов А. Д., Татаркин А. И., Гринберг Р. С., Фетисов Г. Г., Цветков В. А., Батчиков С. А., Ершов М. В., Митяев Д. А., Петров Ю. А. // *ЭНСР*. — 2011. — № 3 (54). — С. 7-31.
24. Татаркин А. И. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки: в 2 т. / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, под об. ред. А. И. Татаркина; [редкол.: Татаркин А. И. (отв. ред.) и др.]. — М.; Екатеринбург: ЗАО «Издательство „Экономика“»; УрО РАН, 2011. — Т. 1: Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем. — 308 с.
25. Межевич Н. М., Тарасов С. Б. Приграничное сотрудничество как инновационная стратегия управления социально-экономическим развитием территории // *Экономика и управление*. — № 2. — 2009. — С. 8-14.
26. *Пространство современной России. Возможности и барьеры развития. Размышления географов-обществоведов* / Отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. — М.: Вузовская книга, 2012. — 336 с.
27. Каганский В. Л. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с.
28. Кузнецов С. В., Лачининский С. С. Современная трактовка категории «геоэкономическое положение» и ее верификация на примере Санкт-Петербургской агломерации // *Балтийский регион*. — № 1. — 2014. — С. 103-121.
29. Лачининский С. С. Эволюция экономического пространства России в XXI век. Геоэкономический подход // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*. — № 1(1). — 2012. — С. 258-268.
30. Артоболевский С. С., Бакланов П. Я., Трейвиш А. И. Пространство и развитие России. Полимасштабный анализ // *Вестник Российской академии наук*. — 2009. — Т. 79. — № 2. — С. 101-112.
31. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Новые императивы развития российской экономики в условиях взаимных торговых и финансовых ограничений // *Проблемы теории и практики управления*. — № 11. — 2014. — С. 53-57.
32. Лачининский С. С. Некоторые вопросы реализации энергетической политики России в Балтийском регионе: геоэкономический подход // *Балтийский регион*. — 2013. — № 2 (16). — С. 17-29.
33. Anokhin A., Kuznetsov S., Lachininskii S. (2014). A Spatial Study of Geo-Economic Risk Exposure of Russia's Arctic Mono-Towns with Commodity Export-Based Economy. *Journal of Geography and Geology*. vol.6 (1). doi: 10.5539/jgg.v6n1p38.

34. Anokhin A. A., Lachininskii S. S. (2015). Evolution of the Ideas and Contents of Geoeconomic Studies. Regional Research of Russia. vol. 1 (5). 82-87. doi: 10.1134/S2079970515010037.

35. Стратегии пространственного развития в Российской Федерации. Географические ресурсы и ограничения / Артоболевский С. С., Бабурин В. Л., Бакланов П. Я., Касимов Н. С., Колосов В. А., Котляков В. М., Люри Д. И., Тишков А. А. // Известия РАН. Серия географическая. — 2009. — № 3. — С. 8-17.

36. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Хелд Д. и др.; пер. с англ. В. В. Сапова и др. — М.: Практикс, 2004. — XXIV. — 576 с.

37. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. — 2010. — № 2. — С. 6-32.

38. Lachininskii S. S. (2013). Experience on the Typology of Geoeconomic Risks. Geography and Natural Resources. Vol. 34 (2). 111-117. doi: 10.1134/S1875372813020017.

39. Горидько Н. П., Нижегородцев Р. М., Цукерман В. А. Инновационные векторы экономического роста северных регионов: возможности, оценки, прогнозы. — Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. — 199 с.

40. Коломак Е. А. Анализ факторов конкурентоспособности региона // Регион. Экономика и социология. — 2009. — № 3. — С. 87-115.

Информация об авторах

Кузнецов Сергей Валентинович — доктор экономических наук, профессор, директор, Институт проблем региональной экономики РАН (Российская Федерация, 190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38; e-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru).

Межевич Николай Маратович — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН; профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; (Российская Федерация, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд; e-mail: mez13@mail.ru).

Лачининский Станислав Сергеевич — кандидат географических наук, докторант, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет (Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: lachininsky@gmail.com).

For citation: *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. — 2015. — № 3. — pp. 25-38

S. V. Kuznetsov , N. M. Mezhevich , S. S. Lachininskii

The Spatial Recourses and Limitations of the Russian Economy Modernization: the Example of the North-West Macro Region

This paper presents the results of the research dedicated to the role of space in the modernization of the economy of the North-West macro-region of Russia conducted in 2012–2014, within the framework of the Presidium of Russian Academy of Sciences (RAS) №31 "The role of space in the modernization of Russia: natural and socio-economic potential." The analysis is based on the methodology, which was developed at the Institute of Regional Economy of RAS.

Possibilities of modernization of the Russian economy are due to competitive advantages, "inherited characteristics" and public policy of regions and major macro-regions development. Recourses of modernization have a spatial component, which significantly affects the positioning of the region, its companies, firms and projects in the globalized geo-economic space.

It is noted that the characteristics of multi-factor situation, taking into account the "inherited characteristics" of spatial development, the nature of geopolitical and geo-economic situation, transformation of the socio-economic area, evaluation the role of internal and external factors, including the impact of globalization and the state regional policy, as well as assessment of the role of internal spatial inversion of macro-region and innovation potential of regional development mostly define the corridors for modernization of the economy of the regions.

It is found that four groups of factors highlighted in this study allow to take into account the wide range of opportunities and constraints for the modernization of the economy of the North-West macro region. On the basis of interdisciplinary synthesis within the geospatial paradigms, taking into account the developments of domestic economists-regionalists, economic geographers and western views in the framework of the space science, the idea of A. I. Tatarkin about "new sources of territorial competitiveness" was confirmed, by the example of a model region of the North-West of Russia.

Thus, in the study, based on calculations of the index of integration into the world economy, it is shown that the possibilities of modernization are associated with the degree of openness and competitiveness of regions in the global context.

On the example of this macro-region, the space capabilities and limitations of economic modernization, typical for Russia, are identified. Specific ways of the modernization project of the economy of the North-West macro-region are defined, taking into account domestic resources, spatial disparities, "inherited features", global economic factors, internal constraints and others. The results will be reflected in the implementation of fundamental research of team within the Program of the Presidium of RAS №16 "Spatial Development of Russia in XXI century: nature, society, and their interaction."

Keywords: economic space, the North-West macro-region of Russia, "inherited characteristics", modernization, spatial inversion, external factors, internal resources, regional policy, globalization

Acknowledgment

The research has been supported by the Presidium of Russian Academy of Sciences (RAS) № 31 «The role of space in the modernization of Russia: natural and socio-economic potential,» the Program of the Presidium of RAS № 16 «Spatial Development of Russia in XXI century: nature, society, and their interaction.»

References

1. Alayev, E. B. (1983). *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya: Ponyatiyno-terminologicheskiy slovar [Socio-economic geography: Conceptual and terminological dictionary]*. Moscow: Mysl, Publ. 350.
2. Sharygin, M. D. (2014). Obschestvennaya geografiya: kontury budushchey nauki [Public geography: contours of future science]. *Geograficheskiy vestnik [Geographical bulletin]*, 1, 20–28.
3. Baklanov, P. Ya. (2014). Ob obekte, predmete i zadachakh sovremennoy sotsialno-ekonomicheskoy geografii [About a scope, subject matter and purposes of modern socio-economic geography]. *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of the Russian geographers, social scientist]*, 3, 4–12.
4. Duranton, G. & Storper, M. (2006). Agglomeration and growth: a dialogue between economists and geographers. *Journal of Economic Geography*, 6, 1–7.
5. Fujita, M. & Rivera-Batiz, F. L. (1998). Agglomeration and heterogeneity in space: introduction. *Regional Science and Urban Economics*, 18, 1–5.
6. Martin, R. L. (1999a). The new 'geographical turn' in economics: some critical reflection. Location: Cambridge. *Journal of Economics*, 63–91.
7. Combes, P. P., Mayer, T. & Thisse, J.-F. (2008). *Economic Geography. The Integration of Regions and Nations*. Princeton University Press: Princeton, NJ, 399.
8. Fujita, M. & Krugman, P. (2004). The new economic geography: Past, present and the future. *Papers in Regional Science*, 83, 139–164.
9. Rauch, F. (2013). Cities as spatial clusters. *Journal of Economic Geography*, 1–15.
10. Blotevogel, H. H. (2010). Raumordnung und Metropolregionen [Spatial planning and metropolitan regions]. *Geographische Rundschau*, 62 (11), 4–12
11. Reimer, M., Getimis, P. & Blotevogel, H. H. (2014). *Spatial Planning Systems and Practices in Europe: A Comparative Perspective on Continuity and Changes*. Taylor and Francis, 311.
12. Rosenfeld, M. T. W., Franz, P. & Heimpold, G. (2007). Economic 'clusters' in East Germany: Evidence on the location and characteristics of spatially concentrated industries. *Post-Communist Economics*, 19(1), 73–92.
13. Lazhentsev, V. N. (2010). Prostranstvennoe razvitie. Primery Severa i Arktiki [Spatial development. Examples of the North and Arctic]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [News of Komi Scientific Center of Ural Branch of RAS]*, 1. Syktyvkar, 97–104.
14. Smith, A. (2002). Imagining geographies of the 'new Europe': geo-economic power and the new European architecture of integration. *Political Geography*, 21, 659.
15. Lappo, G. M. (1997). *Geografiya gorodov [Urban Geography]*. Moscow: Vlados Publ, 480.
16. Trofimov, A. M. & Sharygin, M. D. (2007). *Obshchaya geografiya. Voprosy teorii i metodologii [General geography. Theory and methodology questions]*. Perm: Perm Gos. Un-t Publ., 494.
17. Anokhin, A. A. (1986). *Regionalnye problemy sotsialnogo razvitiya [Regional problems of social development]*. Leningrad: Izd-vo Len. un-ta Publ., 132.
18. Baklanov, P. Ya. (2014). Geograficheskie i geopoliticheskie faktory v regionalnom razvitiy [Geographical and geopolitical factors in regional development]. *Regionalnye issledovaniya [Regional studies]*, 2 (44), 4–10.
19. Kleyner, G. B. (2013). Sistemnaya ekonomika kak platforma razvitiya sovremennoy ekonomicheskoy teorii [System economy as the development platform of the modern economic theory]. *Voprosy ekonomiki [Questions of economy]*, 6, 4–28.
20. Vardomskiy, L. B. (2009). *Rossiyskoe porubezhye v usloviyakh globalizatsii [Russian border areas in the context of globalization]*. M.: Librokom Publ., 216.
21. Tatarkin, A. I. (2013). Samorazvitie territorialnykh sotsialno-ekonomicheskikh sistem kak potrebnost federativnogo obustroystva Rossii [Self-development of territorial socio-economic systems as a requirement of federal structure of Russia]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 4, 9–26.
22. Kuznetsov, S. V. & Mezhevich, N. M. (2012). *Ekonomicheskoe prostranstvo. Teoriya i praktika [Economic space. Theory and practice]*. Rossiyskaya akad. nauk, In-t problem regionalnoy ekonomiki [Russian Academy of Sciences, Institute for Regional Economy Problems]. St. Petersburg: GUAP Publ, 150.
23. Glazyev, S. Yu., Ivanter, V. V., Makarov, V. L., Nekipelov, A. D., Tatarkin, A. I., Grinberg, R. S., Fetisov, G. G., Tsvetkov, V. A., Batchikov, S. A., Ershov, M. V., Mityaev, D. A. & Petrov, Yu. A. (2011). O strategii razvitiya ekonomiki Rossii [On development economy strategy in Russia]. *ENSR [Economic science of modern Russia]*, 3(54), 7–31.
24. Tatarkin, A. I. (2011). Samorazvivayushchiesya sotsialno-ekonomicheskije sistemy: teoriya, metodologiya, prognoznye ot-senki: v 2 t. [Self-developing socio-economic systems: theory, methodology, projections: in 2 vol.]. Ros. akad. nauk, Ural. otd-nie [Ural Branch of RAS]. In: A. I. Tatarkin (Ed.). Moscow: Ekaterinburg: Ekonomika Publ., UrO RAN Publ. *T. 1: Teoriya i metodologiya formirovaniya samorazvivayushchikhsya sotsialno-ekonomicheskikh sistem [Vol. 1: Theory and methodology of formation of self-developing socio-economic systems]*, 308.
25. Mezhevich, N. M. & Tarasov, S. B. (2009). Prigranichnoye sotrudnichestvo kak innovatsionnaya strategiya upravleniya sotsialno-ekonomicheskim razvitiem territorii [Border cooperation as the innovative strategy of management of socio-economic development of the territory]. *Ekonomika i upravlenie [Economics and management]*, 2, 8–14.
26. Druzhinin, A. G., Kolosov, V. A. & Shuvalov, V. E. (Eds). (2012). *Prostranstvo sovremennoy Rossii. Vozmozhnosti i baryery razvitiya. Razmyshleniya geografov-obshchestvovedov [Space of modern Russia. Opportunities and barriers of development. Reflections of geographers and social scientists]*. Moscow: Vuzovskaya kniga Publ., 336.
27. Kaganskiy, V. L. (2001). *Kulturnyy landshaft i sovetское obitaemoye prostranstvo [Cultural landscape and Soviet inhabited space]*. Moscow: Novoye literaturnoe obozrenie Publ., 576.

28. Kuznetsov, S. V. & Lachininskii, S. S. (2014). Sovremennaya traktovka kategorii «geoeconomicheskoe polozhenie» i eyo verifikatsiya na primere Sankt-Peterburgskoy aglomeratsii [Modern interpretation of the «geoeconomic situation» category and its verification on the example of the St. Petersburg agglomeration]. *Baltiyskiy region [The Baltic region]*, 1, 103-121.
29. Lachininskii, S. S. (2012). Evolyutsiya ekonomicheskogo prostranstva Rossii v XXI vek. Geoeconomicheskii podkhod [Evolution of economic space of Russia in the XXI century. Geoeconomic approach]. *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya: Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov [Bulletin of the Association of the Russian geographers, social scientists]*, 1(1), 258-268.
30. Artobolevskiy, S. S., Baklanov, P. Ya. & Treyvish, A. I. (2009). Prostranstvo i razvitie Rossii. Polimasshtabnyy analiz [Space and development of Russia. Polylarge-scale analysis]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*, [79(2)], 101-112.
31. Kuznetsov, S. V. & Mezhevich, N. M. (2014). Novyye imperativy razvitiya rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh vzaimnykh torgovykh i finansovykh ogranicheniy [New development imperatives of the Russian economy in the conditions of mutual trade and financial restrictions]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of the theory and practice management]*, 11, 53-57.
32. Lachininskii, S. S. (2013). Nekotoryye voprosy realizatsii energeticheskoy politiki Rossii v Baltiyskom regione: geoeconomicheskii podkhod [Some questions of Russian power policy realization in the Baltic region: geoeconomic approach]. *Baltiyskiy region [The Baltic region]*, 2(16), 17-29.
33. Anokhin, A. Kuznetsov, S. & Lachininskii, S. (2014). A Spatial Study of Geo-Economic Risk Exposure of Russia's Arctic Mono-Towns with Commodity Export-Based Economy. *Journal of Geography and Geology*, 6(1). doi: 10.5539/jgg.v6n1p38.
34. Anokhin, A. A. & Lachininskii, S. S. (2015). Evolution of the Ideas and Contents of Geoeconomic Studies. *Regional Research of Russia*, 1 (5). 82-87. doi: 10.1134/S2079970515010037.
35. Artobolevskiy, S. S., Baburin, V. L., Baklanov, P. Ya., Kasimov, N. S., Kolosov, V. A., Kotlyakov, V. M., Lyuri, D. I. & Tishkov, A. A. (2009). Strategii prostranstvennogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii. Geograficheskie resursy i ogranicheniya [Strategy of spatial development in the Russian Federation. Geographical resources and restrictions]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [The Scientific News of the Russian Academy of Sciences, Geographic Series]*, 3, 8-17.
36. Held, D. et al. (2004). *Globalnye transformatsii: Politika, ekonomika, kultura [Global Transformations: Politics, Economics and Culture]*. Trans. from English by V. V. Sapova et al. Moscow: Praksis Publ., XXIV, 576.
37. Minakir, P. A. & Demyanenko, A. N. (2010). Prostranstvennaya ekonomika: evolyutsiya podkhodov i metodologiya [Spatial economy: evolution of approaches and methodology]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economy]*, 2, 6-32.
38. Lachininskii, S. S. (2013). Experience on the Typology of Geoeconomic Risks. *Geography and Natural Resources*, 34 (2), 111-117. doi: 10.1134/S1875372813020017.
39. Goridko, N. P., Nizhegorodtsev, R. M. & Tsukerman, V. A. (2013). *Innovatsionnye vektory ekonomicheskogo rosta severnykh regionov: vozmozhnosti, otsenki, prognozy [Innovative vectors of economic growth of northern regions: opportunities, estimates, forecasts]*. Apatity: Kolsky nauchnyy tsentr RAN Publ., 199.
40. Kolomak, E. A. (2009). Analiz faktorov konkurentosposobnosti regiona [Analysis of factors of the region competitiveness]. *Region. Ekonomika i sotsiologiya [Region. Economy and sociology]*, 3, 87-115.

Authors

Kuznetsov Sergey Valentinovich — Doctor of Economics, Professor, Head of the Institute of Regional Economy of RAS (38, Serpukhovskaya St., St. Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru).

Mezhevich Nikolay Maratovich — Doctor of Economics, Chief Research Associate, Institute of Regional Economy of RAS; Professor, St. Petersburg State University (38, Serpukhovskaya St., St. Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: mez13@mail.ru).

Lachininskii Stanislav Sergeevich — PhD in Geography, Postdoctoral Student, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, St. Petersburg State University (7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: lachininsky@gmail.com).